

ТРИ АГИТАЦИОННО-САТИРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯ 60-х ГОДОВ В БУМАГАХ ОГАРЕВА

Сообщение Я. З. Черняка

Огарев с большим интересом и вниманием следил за тем, как развивалась агитационно-сатирическая поэзия в России. Из поэтов «Искры» он находился в непосредственных сношениях с М. И. Михайловым, В. С. Курочкиным и другими. Являясь одним из первых собирателей русской политической «потаенной» поэзии, начиная с пушкинской и рылеевской, Огарев поддерживал связи со многими библиографами; некоторые из них довольно близко стояли к революционным поэтам шестидесятых годов (например, Н. В. Гербель). Среди сотрудников Огарева по изданию «Русской потаенной литературы XIX столетия» был В. И. Касаткин — эмигрант, член «Земли и воли» шестидесятых годов, библиограф-библиофил, весьма знающий и умелый (см. о нем на стр. 247—249 настоящего тома).

Через «Колокол» и другие издания вольных типографий Лондона и Женевы Герцен и Огарев неоднократно обращались к лицам, располагавшим материалами по истории или современному развитию политической поэзии. В результате на страницах «Полярной звезды» появилось множество произведений «вольной лиры» Пушкина, Языкова, Рылеева, Лермонтова, Полежаева, Некрасова и других поэтов, а затем вышел в свет первый том «потаенной» поэзии.

В бумагах Огарева всей этой громадной массы материалов не сохранилось. Очевидно, по использованию рукописей в типографии их из предосторожности уничтожали, так как возле вольных типографий и в Лондоне и в Женеве постоянно вертелись шпионы III Отделения.

В известных нам собраниях рукописей Огарева подобных чужих автографов или списков сохранилось немного, и они сравнительно легко обозримы.

В бумагах Огарева, хранящихся в «пражской коллекции» и в Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, находится несколько стихотворений шестидесятых годов, принадлежащих разным поэтам. Наибольший интерес представляют три рукописи, которые мы публикуем в настоящем издании.

Первая рукопись (ЛБ) содержит текст острой политической эпиграммы на министра государственных имуществ М. Н. Муравьева. Эту должность знаменитый палач занимал с 1857 г. до конца 1861 г. Кто автор эпиграммы — нами не установлено. Дата ее написания может быть определена только приблизительно. По всей вероятности, эпиграмма появилась в 1860—1861 гг., когда реакционная деятельность М. Н. Муравьева-Вешателя (это прозвище закрепилось за ним еще в 1831—1832 гг.) в качестве яркого крепостника достигла своего апогея и вызывала всеобщую ненависть, особенно среди

государственных крестьян. Огарев в 1860 г. посвятил две статьи специальному разбору этой деятельности — «Узаконение государственного разбоя» («Колокол», л. 76 от 15 июля 1860 г.) и «По поводу правил Муравьева-Вешателя» («Колокол», л. 80 от 1 сентября 1860 г.). Кроме того, множество раз выступал он против Муравьева в других статьях и заметках. Поэтому понятно, почему эпиграмма на М. Н. Муравьева, в списке, сделанном чьей-то рукой крайне бегло и неразборчиво, была сообщена Огареву и сохранилась в его бумагах. Огарев вполне разделял взгляд на Муравьева, выраженный в эпиграмме. Упомянутую выше статью свою «Узаконение государственного разбоя» Огарев закончил следующими словами: «...если министр из вешателя делается повешенным, то нельзя сказать, чтобы виселица была незаслуженная» («Колокол», л. 76, стр. 633).

Вторая публикуемая нами рукопись, хранящаяся в бумагах Огарева (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 42, л. 2), представляет собой продолговатый лист бумаги, исписанный с обеих сторон неизвестной рукой.

Рукопись содержит стихотворение, начинающееся словами: «В былые дни Елизаветы...». Внизу листа имеется следующая надпись, сделанная тем же лицом:

Памяти Д<обролюбо>ва
20 октября 1861.
Крепость
Крепостные студ<енты>
М<ихайлов>у
27 ноября 1861.
Петропавл<овская> крепость
Ответ <Михайлова>
Там же

Публикуемые стихи — непосредственный отклик на известные студенческие волнения в Петербурге осенью 1861 г., в результате которых множество студентов университета было арестовано, посажено в Петропавловскую крепость или выслано из Петербурга. Действовавшие в этой истории со стороны правительства лица, во всяком случае, главные «герои» «усмирения» студентов, названы в печатаемых стихах. Это, во-первых, адмирал Е. В. Путятин — министр просвещения. Новые реакционные университетские правила, введенные им по настоянию царя и метко высмеянные в стихотворении, лишали бедняков возможности учиться в университете, только в редких случаях освобождая их от платы. Это, во-вторых, граф П. А. Шувалов, глава III Отделения — потомок просвещенного деятеля, имеющего исторические заслуги перед русской наукой и просвещением, И. И. Шувалова. Это, в-третьих, граф П. Н. Игнатьев — петербургский генерал-губернатор вместе с подручным, обер-полицмейстером Паткулем, организовавший «поход» на университет, — поход, в котором принимала участие, помимо полиции, гвардия.

Автором стихов был, несомненно, студент — и притом представитель умеренной части студенчества. «Критика» начальства и сатирические выпады имеют в его стихах оппозиционно-либеральный, а не революционный характер. Это явствует хотя бы из того, что в стихотворении обойден вопрос, разделявший протестовавших студентов на две части: революционную, превратившую частное столкновение из-за путятинских правил, особенно из-за «матрикул», в повод для политического выступления против всего режима в целом, и либерально-оппозиционную, объединившую большую часть студентов и профессоров, старавшихся удержаться на позициях защиты «правовых» начал и «академической» независимости.

Подобный документ мог быть интересен Огареву с разных сторон. «Колокол» принимал живейшее участие в студенческой истории. Ей непосред-

ственно посвящены статьи Герцена («Исполин просыпается») и Огарева («Университеты закрывают») и множество небольших заметок по поводу избиений студентов в Москве и событий в других университетских городах. Наконец, ряд статей и документов под общим заголовком «Материалы для истории гонения студентов при Александре II» печатался в большинстве номеров «Колокола», в период между ноябрем 1861 г. и апрелем 1862 г. Вообще, начиная с листа 103 (от 1 сентября 1861 г.) и кончая листом 129 (от 15 апреля 1862 г.), нет ни одного, в котором не было бы каких-либо заметок, сообщений или статей о студенчестве, а к листу 119-120 (от 15 января 1862 г.) Огаревым было сделано особое прибавление — «Михайлов и студентское дело», в котором помещены известные стихотворения: «М. И. Михайлову» (Огарева), «Узнику» (И. А. Рождественского — написано от имени студентов, заключенных в крепости) и «Ответ» (Михайлова).

Об этих стихотворениях и идет речь в имеющейся на листке надписи. Указанная в надписи дата стихотворения «Памяти Добролюбова» — 20 октября 1861 г. — неправильна. Добролюбов умер 17 ноября 1861 г.

Стихотворение «В былые дни Елизаветы» распространялось в списках. Один такой список недавно обнаружен Р. Маториной в бумагах Н. С. Тихоновой (Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

Наибольший интерес представляет третья рукопись, содержащая превосходное агитационное стихотворение «Дележ нехорош», адресованное крестьянам. Оно было создано, по видимому, во второй половине 1862 г., — во всяком случае, после кровавого усмирения крестьян: после апрельского расстрела в 1861 г. крестьян в с. Бездна, после расправ с крестьянами в Пензенской губернии летом того же года, в самый разгар подписания уставных грамот, — при бесчестном дележе помещичьих и крестьянских земель, — словом, в ту пору, когда в действительность вводилось «Положение», «обдирающее их <крестьян.— Я. Ч.>, как липку...» (В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 27). На рукописи синим карандашом, рукой М. П. Драгоманова, помечено: «Огарев». Но это ошибочное указание. В печати стихотворение, насколько мы могли установить, неизвестно. Его нет в собрании подпольных изданий и листовок, хранящихся в отделе печати Центрального государственного исторического архива в Москве, нет на него указаний и в существующих библиографических описаниях и указателях подпольной печати.

Разыскивая автора этого стихотворения, мы обратились к собранию писем М. А. Бакунина, изданных М. П. Драгомановым. В обширном письме М. А. Бакунина к Герцену и Огареву от 4 марта 1864 г. содержатся следующие строки:

«В Веве также познакомился с Погосским. Может быть, и вы с ним успели уж познакомиться, потому что он собирался в Лондон, и я дал ему письмо к вам. В этом письме я вам сказал и теперь подтверждаю, что я не знаю человека, более способного говорить печатно с солдатами, и пожалуй, может быть, и с народом, чем он. Для доказательства посылаю вам его песню — „Эх, батюшка!“. Это пресинтересный человек — самородок» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Женева, 1896, стр. 154—155).

Свидетельство, приведенное только что, неоспоримо доказывает, что автором агитационного стихотворения-песни «Дележ нехорош» является А. Ф. Погосский (1816—1874), автор многих десятков «народных рассказов», издатель и редактор «Солдатской беседы» (1858—1867), «Народной беседы» (1852—1863) и других повременных изданий. Биография человека, которого столь горячо рекомендует Бакунин, осталась мало изученной и освещается противоречиво, хотя известность Погосского во второй половине XIX в. была велика (см. «Лит. наследство», т. 51-52, 1949,

стр. 464). В материалах архива III Отделения имеются указания, впрочем мало достоверные, о том, что Погосский в шестидесятые годы был близок к «Земле и воле» и даже входил во второй «запасный» Центральный комитет общества. По рассказу А. А. Слепцова, приводимому М. К. Лемке, Погосский вместе с несколькими другими писателями вступил в число членов общества «Земля и воля» (XVI, 74).

В переписке Герцена встречается лишь два упоминания имени Погосского. В письме от 26 мая 1864 г. Герцен спрашивал: «Где же находится Погосский? Он писал, что болен, и собирался в Фонтенебло; мне очень хочется ему писать: я считаю себя перед ним виноватым без вины» (XVII, 175—176). Месяцем позднее в письме к С. Тхоржевскому от 28 июня того же 1864 г. Герцен просит послать Погосскому «Колокол»: «Пошлите послед<ний> „Колокол“, если не посылали, А. Pogosky...»; далее следует адрес (XVII, 278).

Выделенные нами курсивом слова означают, что Погосскому регулярно посылались номера «Колокола» и что Герцен только напоминает Тхоржевскому о необходимости отправить ранее условленную посылку.

Все это свидетельствует о том, что между Герценом и Погосским вскоре после начала знакомства установились более или менее регулярные сношения, которые продолжались, повидимому, недолго и оборвались по неизвестным причинам.

А между Огаревым и Погосским?

К сожалению, известны в печати только единичные письма Огарева к Герцену из всей переписки 1864 г., и в этих письмах никаких данных о Погосском нет. Нет их и во всей дальнейшей переписке.

Мы нашли одно упоминание о Погосском в неопубликованной рукописи Огарева «Народные земледельческие училища» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 38, л. 15). Разрабатывая программу сельской школы, Огарев говорит: «Когда же ученики умеют плавно читать, чтоб более заинтересовать их, не худо заняться составлением рассказов, повестей (например, повести Погосского)». Приведенные слова Огарева свидетельствуют о его положительном отношении к Погосскому.

Следует, однако, указать, что сближение Погосского с издателями «Колокола», относящееся к 1862—1864 гг., плодом которого явилось печатаемое агитационное стихотворение, было всего только эпизодом. Подобные «эпизодические» выступления — не редкость в самом начале шестидесятых годов. В 1862 и отчасти в 1863 гг. «волна общественного возбуждения и революционного натиска» (В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 30) нередко поднимала людей даже вполне «благонадежных». Тем более могла она временно увлечь человека, обладавшего, повидимому, серьезным знанием народа и умением разговаривать с ним, которое столь отчетливо проявилось в печатаемых стихах.

Мы публикуем перечисленные выше тексты в хронологическом порядке.

1

〈НА М. Н. МУРАВЬЕВА〉

Министр Госуд<арственных> имуществ

Хоть он не тот, что был повешен,
Хоть сам он вешал кой-кого,
Но как ни мил он и безгрешен,
А был бы весь народ утешен,
Когда б живьем сожгли его.

〈1860—1861 гг.〉

2

В былые дни Елизаветы,
 Вельможа сердцем и умом,
 Шувалов университеты
 Завел у нас в краю родном.
 Теперь не то: шпион Шувалов,
 Глупца Игнатьева клевет,
 Идет с толпою генералов
 На приступ в университет.
 И с ними, помня штурм Азова,
 Шли стройно гвардии полки,
 И заблестали ныне снова,
 Под предводительством Толстова,
 Преображенские штыки.
 В те дни великий Ломоносов
 Всех к просвещенью призывал
 И без матрикул и без взносов
 К науке двери отворял.
 С Путятиным иные моды:
 Он, по обычаю попов,
 Сел с медной кружкою у входа
 И в шею гонит бедняков.
 И быт науки стал препоной...
 Живем мы десять сотен лет,
 Но так же, как во время оно,
 В родной земле порядка нет.

<Октябрь 1861 г.>

3

ДЕЛЕЖ НЕХОРОШ

(Новая песня под балалайку, не то под гармонику)

Эх, батюшка, твой дележ нехорош,
 Уж и так он нечестен, непригож,
 Что мне, молодцу, совсем нестерпим:
 Кому блин, кому два, кому кныш,
 А как мне ли, горемыке,— шиш,
 Да и то, вишь, коли выкупишь.
 Уж какое это правило,
 Только немцев позабавило,
 В дураках всю Русь оставило.
 Ой, батюшка, твой дележ нехорош,
 Таки очень нечестен, непригож,
 Никому-то на Руси нестерпим.
 Ах, ты доля моя, долошка,
 Что ковыль трава среди полюшка,
 Безземельная ты волюшка!
 Надштукована, налатана,
 В «положение» запрятана,
 Ко лбу пулей припечатана.
 Нет, батюшка! твой дележ нехорош,
 Больно, сударь, нечестен, непригож —
 Не пойти ли нам с тобою на правож?
 Али кликнуть моих мальчиков,
 Моих верных выручальщиков,

Костяных-то десять пальчиков:
 Что сожму — так дубоватые,
 Распущу — так вороватые,
 Пущу в дело — плутоватые.
 Уж, батюшка-государь, как ты хошь,
 Ну, а только твой дележ нехорош,
 То-есть просто ни на чорта негож!
 Забавляй-ко-сь ты с девчатами,
 Пей с немцáми-панибратами,
 Потешайся медвежатами, —
 Разной этакóй охотою, —
 Государскою заботою, —
 Ну, а я-то поработаю!
 Эх, батюшка, твой дележ нехорош,
 Не пойти ли нам с тобой на правез,
 Да не кликнуть ли солдатикам про то ж.
 Други — братцы вы, солдатушки,
 Одной матушки ребятушки —
 Послужите Руси матушке!
 У нас кашица заварена
 Про царя да и про барина
 И про всякого татарина.
 Пересудим-ко-сь по-своему дележ,
 Чтобы был он всей Расеюшке хорош,
 А и нужен-то он — вынь, да положь!

<1862 г.>